

потому свободен от ритуалов, стереотипов и других взаимосвязанных элементов, закрепощающих сознание человека.

Литературный текст и философия как два пути ухода от мифа могут быть взаимодополняемы, а, возможно, с другого ракурса они представляют собой одно и то же. Литературный текст как воплощение философии является той самой нишей, которая свободна от мифического. Однако трудность в их соединении состоит как раз в том, что философия в форме «письма» теряет характер научного осмысления проблемы, приобретает черты рутинного рассуждения. Литературный текст нацелен скорее на рассуждение, нежели на размышление. Но, так или иначе, трудно не согласиться с двумя подходами в поисках способов преодоления повсеместности мифического.

1. Ролан Барт. Мифология сегодня.// Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 474

2. Клод Леви-Строс. Мифологии. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 19

3. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 122

4. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 113

5. Там же. С. 122

6. Там же.

7. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 122

8. Ролан Барт. Мифология сегодня.// Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 475

ВОПРОС И ВРЕМЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ МИФА

С.В. Емальянова

Емальянова Светлана
Ивановна
аспирантка УрГУ

Сегодня мне хотелось бы предоставить вниманию читателей «Дискурса- Пи» работу французского философа Марка Соте «Кофе для Сократа».

Кафе «Фар» на площади Бастилии в Париже каждое воскресенье становится уникальным местом. Марк Соте, доктор философии, действительный член Института политических наук, долгое время преподававший в университете, руководит там обсуждением, открытым для всех, давая шанс новой философской практике.

Книга Марка Соте «Кофе для Сократа» начинается с вопроса о том, как философия может нам помочь понять современный мир?

«Что такое философия?» – это вопрос времени, которое имеет измерение «мы». Ответ на этот вопрос

разворачивается в сюжете книги, разделенной тремя. Сегодня мне хотелось бы предоставить вниманию читателей «Дискурса- Пи» работу французского философа Марка Соте «Кофе для Сократа».

Кафе «Фар» на площади Бастилии в Париже каждое воскресенье становится уникальным местом. Марк Соте, доктор философии, действительный член Института политических наук, долгое время преподававший в университете, руководит там обсуждением, открытым для всех, давая шанс новой философской практике.

Книга Марка Соте «Кофе для Сократа» начинается с вопроса о том, как философия может нам помочь понять современный мир?

«Что такое философия?» – это вопрос времени, которое имеет измерение «мы». Ответ на этот вопрос разворачивается в сюжете книги, разделенной тремя главами, тремя вопросами, которые задает автор, стремясь понять не только место общества в истории, но и место философии во всем этом. Но, чтобы ответить, «Где мы находимся?», надо сначала узнать, «Откуда мы пришли?», чтобы затем понять, «Куда мы идем?». Три вопроса разворачиваются в историю, которая, идя от мифа к логосу, становится его возвращением: не на круги своя, а возвращением истории времени, которое есть Мы.

История демифологизации как история логоса, по

мнению Соте, представляет собой еще больший миф, который взывает не к возврату богов, а к другому пониманию божественного. Эта история о появлении лица, которое говорит не о принадлежности к роду, но о достоинстве рода человеческого, как достоинстве Нас. Мы – это история Времени, которым является человек.

А начинается эта история в обыкновенном кафе, где встречаются люди, равнодушные к тому, что происходит с нами. История начинается с обсуждения вопроса, ответ на который предполагается в самом вопрошании о человеке: Кто он такой? Обсуждение – это не цель и не результат, это способ бытия, который говорит о сущности в человеке.

Опыт обсуждений в кафе обростал новыми фактами, новыми темами, новыми людьми и новыми результатами, которыми писатель захотел поделиться с нами. До того, как произошло первое обсуждение в кафе, Марк Соте открыл свой Кабинет, где он мог бы встречаться с «клиентами» на консультации.

Практика обсуждений в кафе существует уже с 1981 года. Первым был германский философ Г. Ахенбах. Он практиковал в городе Гладбах, возле Кельна. Сейчас таких «предприятий» существует более сотни. Их цель – позволить проявиться личному опыту в рассуждении, способствовать этому, подтолкнув «клиента» на то, чтобы он отважился на освоение «неведомой земли», используя при этом знакомый ему язык – язык диалога. В течение этих бесед философ больше слушает, чем говорит, лишь делая замечания для того, чтобы продвинуть собеседника, подвести его к собственному ритму развития.

Автор рассказывает о первом своем клиенте, который начал ходить на консультации не ради того, чтобы заниматься философией. Он не нуждался также и в консультации психолога. Проблема Фила была в том, что ему было совершенно тоскливо жить. Все вроде бы у него было, успешная работа, семья, друзья. А все-таки чего-то не хватало, если у него возникали мысли о самоубийстве. Он сравнивал жизнь с залом ожидания смерти. Его интересовало, во имя чего он сдерживал себя от желания толкнуть эту дверь.

Разногласие сказалось в вопросе бессмертия души. По мнению Сократа, чтобы приблизиться к реальности, нужно удалиться от тела, от иллюзий, которые оно порождает, и от ошибок, которые оно провоцирует. Фил не понимал, наподобие Симплиция в вышеназванном диалоге, в чем хрупкая природа души, сравниваемой с телом, смогла обозначить свою вечность. Если только не предположить, что душа не одна и та же, например, как душа мелодии и флейты, или гармонии и лиры. А что происходит, когда лира ломается? Гармония исчезает! По мнению Фила, душа – это лишь термин, обозначающий оживление тела. Если я умру, - говорил он, - я перестану воспринимать, чувствовать, различать запахи, вкусы, а значит, перестану и думать. Фил

должен был признать, что его любопытство толкнуть дверь было не таким уж большим. Он был уверен, что за дверью нет ничего. Оставалось только узнать хватало ли его усталости, чтобы оправдать такой ненужный поступок, или могло служить критерием оценки человеческого поведения, банальности его ежедневного существования, бедности его отношений с людьми.

Консультации бывают разные, иногда это лишь единственный случай, иногда это надолго, все зависит от потребности людей, которые испытывают недостаток понимания или общения. В этом случае уместно рассказать об одной немолодой супружеской паре. Инициатором встречи выступила жена, спросив при этом, можно ли прийти вдвоем. Вопрос для встречи уже имел определенные очертания: «Почему люди заваливают себя бесполезными предметами?».

Ситуация могла бы быть причиной смеха, если бы это не привело к разрыву, от которого каждый, очевидно, страдал уже очень долго. Причина спора была ясна. Супруг, принимая моделью рабочую поверхность своего стола, систематически пытался отделаться от лишних предметов, которые жена навязывала ему, считая, что она устроила ему невозможную жизнь, и что, в конце концов, она завалила его. Со своей стороны, делая тонкий намек на неверность своего мужа, дама скрывала за манией наводнять дом предметами разного рода потребность во внимании. Ощущение прозрачности для своего мужа заставляло наводнять «хламом» даже стол-для-него, подчеркивая присущее ей желание его-существования-для-нее.

Автор вышел из затруднительного положения тем, что привел пример непримиримости революционеров эпохи Французской Революции. Позиция супруга требовала принципиальности Робеспьера, решившего подчинить капризы каждого во благо всех, делая чистой доской институции и шифры, накопленные старым режимом – привилегии аристократов, клира, права корпораций, таможенные пошлины, налоги всех видов, монархические указы и т.д. Нужно было покончить со всем этим, очистить поверхность от этого хлама, который тормозил движение вперед, к современному обществу. Марк Соте спросил этого господина: учитывая, что часть имеет меньшее значение, чем целое, что делать с наследием прошлого? Освобождаясь от пут старого прошлого, французский народ решил установить царство равенства и братства, поэтому хлам институций признан был мешающим в достижении этой цели. Остальное известно.

Что касается супруги, автор книги посоветовал ей обратить внимание на то, что послужило поводом ее оппозиции. Она происходила от личного унижения и от навязчивой идеи разрыва отношений. Супруг считал ее прозрачной: сколько же времени ей пришлось бы ждать, чтобы восстановить свою «плотность»? Но не стала ли она искать

подтверждения своему существованию из-за себя, а не из-за него?

Что такое «я», если я не есть? – так звучит ее проблема в философии. Сомнение, поселившееся в ее мыслях, когда-то преследовало и Декарта. Чтобы уверить себя в своем существовании, есть одно решение – сомневаться в этом. Представление от мира основательно подточено сомнением. Откуда и весь опыт cogito. Прозрачность не есть изъян, если она представляет первую достоверность того, кто сомневается в своем существовании. Да и нужно ли думать о себе, ведь никто не может гарантировать, что я существую, если это не я в своей прозрачности себя. Таким образом, статус прозрачности меняется: от негативного – когда я страдаю от несуществования, от непризнания другим, для него и через него – до позитивного – когда я принимаю себя таким как «я есть» как думающий субъект. Ведь нет ничего более ясного, чем эта мысль: если я сомневаюсь, то это я.

Эта пара являла собой пример противоречия между коллективным и индивидуальным полюсами человеческой истории, между «мы» и «я». Могли ли они идти сообща?

Этот поистине философский вопрос перерос в семинар, вопросы которого Марк Соте перенес в отдельную главу. И он же явился причиной продолжения дискуссии в философском путешествии к месту, в котором началась история мысли. Продолжением диалога стала и история цивилизации, рассказанная в книге. Соте высказывает предположение, что в основе победы Логоса, в шестви Просвещения, было не движение разума, но распределение товарообмена.

Удивительно, как такой простой вопрос, как вопрос

о себе, может стать началом и истории философии, и истории бытия, и истории формирования личности. Первоначально выступающий как история, как некий миф, вопрос «что такое я?» становится средоточием достоинства человека: его делом, его званием, его смыслом – реальностью, одним словом. Возможно, потому, что это история времени.

История времени – это возвращение утраченного, возвращение мудрости мифа, мудрости самих вещей – мудрости, которая вряд ли может быть измерена доморощенным разумом, превращающим ее в расчетливую выдумку. Философия остается философией, пока не соблазняется стать самой Софией – высшей мудростью. Возвращение мифа говорит о том, что дело философии – это суд над собой: соответствуешь ли своей претензии, понимаешь ли себя в своих делах, можешь ли дать отчет своим действиям? В вопросе «Что такое» – содержится форма ответов, которые появляются в результате вопрошания. Неразрешимый парадокс разрешается ВО ВРЕМЯ задавания вопроса, т.е. погружения в себя как во время. Поэтому беседа разума с самим собой – это не просто искусство спрашивать себя, это искусство подвергать себя испытанию быть другим, искусство подходить к себе критически: как к встрече, как к событию.

Таким образом, история мифа – это обращение, встреча и диалог двух миров, двух времен, двух систем. Так стираются различия между птолемеевской и коперниканской системами: по сути, это движение времени в осмыслении себя, поэтому нет нужды затевать тяжбу о бытии там, где она является самопознанием и углублением в себя.

